

Парадоксальная земля: глубокие диалоги из Дагестана

О Дагестане развелось много стереотипов. Мы все еще думаем, что женщин здесь крадут, а мужчин убивают вездесущие террористы. Да и вообще, сложно нам, россиянам, с этой культурой. Мы не понимаем Кавказ, а Кавказ не понимает нас. А столкновение с Кавказом — всегда что-то сложное и неведомое. Наша корреспондент решила понять, почему все так, и поехала изучать Дагестан.

Он уверенно ступает на землю, потому что знает — она его питает и держит. Горы спасают его от ветра. Море возвращает к состоянию невесомости, как в утробе матери./ Из старых личных записей

Лучше гор могут быть только горы. / Наш новый знакомый

Горный рабочий сердцем простой

Мы живем рядом с морем. Одна дорога, потом еще одна железная дорога, гул поездов, еще немного пройти среди руинных зданий, и вот оно — море. Омывает своими исцеляющими волнами мусорный берег и камни, почти полностью покрытые мхом. Вода темно-голубого цвета. Издалека не видно, что грязная. А вблизи — видно. Но мусора между камнями здесь уже никто не замечает. Он — одно из многого, с чем здесь смирились.

— Не бойтесь, я вас не задену, — говорит мне рыбак, в то время, как его удочка летит в меня. На утесе дует ветер, кажется, если не сесть на камень, снесет. Рыбак осторожно встает прямо и становится твердым, как все камни вокруг — другого варианта противостоять морю нет. — Сегодня клев хороший, ветер восточный. Если западный — клева нет.

— Здесь столько рыбаков! — замечаю я.

— В советское время я работал водителем. С отцом, братьями ездил на рыбалку. Нас спрашивали, мол, вам что, делать нечего, вы на рыбалку ходите. А вот один раз пойдете — у вас потом эту удочку, говорю, не отнимешь. А вы, женщины, тем более — азартные, авантюрные.

— На меня вчера пару раз чуть не наехала машина. Говорят, у вас это такой способ флирта.

— Да это молодежь такая. Совсем другая стала сейчас.

— А раньше другая была?

— Хотя. И раньше также было. Я когда молодой был в 82-ом году зашел в магазин. Женщина впереди, я сзади. Заходят двое и лезут без очереди. А они ей на своем отвечают. Я ему говорю: «Ты такой умный что ль? Ты по-русски сказать не можешь, чтобы все понимали?». Развернулись и вышли. Потом до меня докопались. А они меня на драку провоцируют. А друг мой говорит, что я с ним церемонюсь, и по уху им въехал. Так они и убежали, когда увидели, что я не один. Как у нас говорят, бычки табунами ходят. Такие всегда были. Но есть и другие ведь.

— То есть вы в молодости принадлежали к «другим»?

— Я переехал из Ташкента в 2003 году. У нас как было: есть свои — узбеки, татары, даргинцы и много других. Свои — это твои друзья независимо от национальности. А чужие — те, кто пришел не с добром. Тоже независимо от национальности.

— И независимо от религии тоже?

— Я никогда не обращал внимания на религиозность и еще что-то такое. В мечети не хожу. Меня спрашивают: «А чего не ходишь?», а я считаю так: «Не грехи, и не надо будет грехи замаливать». Если вы грешите, замаливаете, а потом снова идете и осознано грешите? Не отвлекайте Всевышнего от серьезных дел.

— А если человек по-настоящему раскаивается в том, что он сделал?

— Если раскаивается, то он не станет завтра совершать то же самое. — Порывы ветра заглушают его речь.

— А что это вы поймали?

— Ракушку зацепил. Дать вам ее? — рыбак поднимается ко мне, наступая на пару больших камней.— Или пусть поживет еще?

— Тогда надо отпустить.

— Так и рыбу отпускать можно, когда ловишь. — Мы решаем ее отпустить. — Когда режут барана, я отворачиваюсь. А мясо ем, но не думаю о животных. А мне говорят, пора бы самому научиться барана резать. А я не могу.

Чайки летают. Он молчит.

— А что, в Дагестане лучше, чем в Узбекистане?

— Там совсем ничего хорошего не было. Там чем больше у тебя власти — тем больше возможностей. А тут хотя бы Россия — хоть что-то есть. А вообще, у нас как говорят — «горный рабочий сердцем простой». Наверное, это и про меня.

— Почему дагестанские мужчины за рулем не пропускают мимо глаз ни одной женщины?

— Водитель должен видеть все, — улыбается мой рыбак, собирая удочку, рюкзак и ведро с уловом.

Чиркейская ГЭС и видеограф-спаситель

Маршрутка высадила нас где-то недалеко от Чиркейской гидроэлектростанции. Говорят, здесь есть смотровая площадка. Найти ее оказалось непросто. Дождь, туман, непривычные для Дагестана в мае 15 градусов тепла. Ни души. Шум воды от ГЭС, как будто вся вода мира собралась и хлынула в одном потоке. Стаи собак бегут прямо на нас. Их намерения не совсем ясны. Из мужской компании, где почти все одеты в кожаные куртки, доносится голос:

— Девушка, вы чего, боитесь?

— Да, собак боюсь, — отвечаю я. — Друг пытался меня успокоить, а я убежала.

— Иногда неясно, кого стоит бояться больше — собак или людей, — говорит один мужчина из компании.

— Собаки ведь, которые здесь живут, они дикие?

— Люди тоже могут быть дикими. Пойдемте, я отвезу вас на площадку, — говорит мужчина. А мы не отказываемся от предложения. Хотя мне страшно. Пожалуй, здесь никого в радиусе нескольких километров. Трасса пустая. Горы сегодня, будто сами по себе, а туман — сам по себе. Значит, люди — тем более. В Дагестане хорошо понимаешь, как ты мал и слаб. Перед въездами в длинные тоннели, когда несколько машин останавливают ГИБДД и проверяют документы каждого. В 90-е тоннели почти каждый день подвергались обстрелам. Сейчас — далеко не каждый, но опасность есть. Здесь всегда может случиться непредвиденное. Или, когда идешь по скале, и от расстояния начинает кружиться голова. Сейчас, в такую погоду, это чувствуется острее.

Мужчину зовут Мурад и он местный видеограф. На заднем сидении машины лежит квадрокоптер, фотоаппарат, несколько объективов. Оказалось, до смотровой площадки далеко.

— Нужно идти еще и еще дальше, — говорит он.

От вида хочется плакать. Слева ГЭС плещет водами, сверху дождь, впереди горы и туман, похожий на одеяло. Какой большой человек, он может возвыситься даже над горами — квадрокоптер летает над пропастью и делает снимки, на ГЭС работают люди. Но и горы могут показать человеку, кто он на самом деле. Еще пару шагов, и можно упасть в пропасть. Мурад решил, что довезет нас до соседнего города — отправной точки в Махачкалу.

— Мы что тут собрались-то. Хотим открыть свою турбазу. Сейчас продумываем, что будем предлагать людям. — Песня на аварском заглушает его речь вместе с треском камней под колесами машины, который слышно из открытого окна. — Конечно, это очень сложно. Потому что одно дело открыть бизнес, а другое — иметь деньги. Есть еще один источник, который денег просит, сами понимаете. Его даже в бизнес-плане приходится прописывать. Государство мало того, что само ничего не делает, но и нам не дает развиваться.

— Но вы все равно пытаетесь, ведь так?

— Но, хм, да, да! — говорит Мурад сначала замешкавшись, а потом уверенно. — Мой партнер делает это не столько ради денег. Ну, согласитесь, зимой это невыгодный бизнес. Он из идеи хочет, чтобы люди знали Дагестан, чтобы не боялись сюда приезжать, чтобы им хотя бы было, где ночевать. Чтобы был какой-то сервис. На границе с Чечней есть озеро. Чеченская территория там красивая, а Дагестан... — громко вздыхает, — ... это заброшенная территория.

— А вот это село Черкей было там, на том озере. Оно было затоплено, а сейчас вода спустилась на 40 метров. До сих пор виднеются стены старых домов. Жителей переселили

на новую территорию, и теперь свет и вода для них бесплатные с 70-го года. И до сих пор. Мы не должны этому удивляться, потому что у России есть такие ресурсы. Просто она их продает. Я сам из Ботлихского района. В этом районе 12 сел и у каждого села свой язык. И я вот, сколько я живу и все равно удивляюсь: 400 человек с одного села придумали свой язык! Соседнее село даже не понимает их. Это ж удивительная вещь. Культура! Культура всего 400 человек! Своя. Но сейчас многие переселяются в города, дети этих людей теряют свой родной язык.

— От глобализации не уйдешь, раз мы уже идем по этому пути, — говорю я.

— Наверное, наверное, — отвечает он. — Мы часто ездим в место, которое называется Зиарат. Там была с одной стороны река, а с другой — пропасть. В нее прыгали женщины с грудными детьми во время Кавказской войны — не хотели в плен к русским. Мы едем туда, просим у Аллаха прощения им грехов.

Мурад резко останавливает машину.

— Я хочу угостить вас настоящей Чиркейской колбасой, ты заберешь ее себе, — музыка утихает и каждый шаг человека в горах, даже около магазина, слышен громко. — Вы, если будете фотки в Инстаграм выкладывать, сделайте там ссылку на меня. Хорошо бы мне расширить свою географию, так сказать.

— Вы нам такие фотки сделали, грех не сделать на вас ссылку, — отвечает мой друг.

— Клянусь Всевышним Аллахом, я не ради этого делал!

— Спасибо большое.

— Да за что хоть?

— Да за все. Нам везет с людьми здесь.

— Хорошим людям должно везти.

В машине снова усиливается громкость аварских песен мотивами, очень схожими с ирландскими. Ветер дует в лицо из окна, скалистые горы прощаются с нами, в то время как туман дает человеку увидеть только верхушки. И правильно, иногда горы нужно беречь от человеческих глаз.

Тетушка Хани из тысячелетнего Чоха

Недалеко от Гуниба, практически на обрыве скалы, раскинулось село Чох. Издалека кажется, что домики игрушечные и сейчас свалятся с обрыва. Когда-то здесь проходил Великий Шелковый путь. Исламская история села начинается еще в VIII веке. А есть еще, как минимум, тысячелетняя доисламская. Внутри бесконечные закоулки, дома близко расположены друг к другу, а некоторые улицы уровнем выше или ниже. Выходишь из дома, и сосед говорит сверху «Ас-саламу Алейкум», а ты смотришь прямо ему в ноги. На центральной площади бюст Сталина, а напротив плакат «Чохцы против террора». Рядом

памятник Али Алиеву — советскому борцу вольного стиля. В одном из самых нижних домов живет тетушка Хани, адыгейка по национальности. Она принимает (и обожает) туристов. Большими группами съезжаются к ней и имеют возможность насладиться национальной едой и райским видом из окна — на бесконечные горные хребты.

— Ешьте мамино, ешьте. Это самая вкусная рыба — минтай. В ней больше всего цинка для кожи, — говорит Хани звонким голосом.

— И хватит вам на всех еды?

— Ради Бога, не переживайте, — Хани, кажется, сейчас умрет со смеху. — Да, туристические группы мне платят. А сейчас на благотворительности кто уедет? Никто не уедет. Я просто очень люблю кормить людей. А если есть еще и доход от этого, то шикарно. В школе я проработала 42 года учителем химии, «заслуженного» получила, но, увы, зарплата маленькая у нас. Дети? Да, у меня шикарные дети! Невестка с тремя внуками у меня тут постоянно. Сейчас уехала, потому что сын держит Уразу (мусульманский пост — прим. редакции). Вечером, чтобы сухомятку не кушать, надо, чтобы жена рядом была. И еще три дочки у меня. Еще рыбку, моя лапонька?

— С хозяйством успеваете? И работаете?

— Эе (в переводе с адыгейского «да» — прим. редакции), — хихикает она. — Три кошки, собака, 30 кур, две коровы, два теленка и одна телочка. И огород 30 соток, а еще вот виноград. Сама вино делаю. Когда нравится, все успеется. А, еще у меня ишак был, сдох! За 42 года четыре ишака поменяла. Сейчас мы ишака не хотим, а мини-трактор хотим. Чтобы сюда прямо подъезжать к дому. Работаю еще, причем с отдачей работаю, в моем возрасте это не такое частое явление.

— И успеваете всех любить.

— О-бо-жаю! Я и тебя тоже люблю! Вот не поверишь! Есть же вот такая всепоглощающая любовь к людям! — торжественно взмахивает руками. — Я в Чох по распределению попала в 79-ом. Раньше часто домой летала, да, на кукурузниках над горами летали раньше. Тогда летали, а сейчас в 21 веке — не летают, — смеется она. — В интернете есть фильм «Русские дагестанцы», вот и я там есть, правда, я не русская, но меня здесь принимают за русскую. Мальчика когда своего сватать пошла, мне сразу отказ дали: «Он кяфир». Это значит, что не мусульманин. Конечно, они были знакомы, мы же в 21 веке живем! Не-е-т! Что вы, у меня вон одной дочке 38, другой 36 — они не замужем. Сватали их, и не раз сватали, ну... не сложилось. Значит, не судьба. Я не переживаю абсолютно. А мой прадед был турецким адыгейцем. Сюда приехал на заработки: нанялся там пастухом на 3 года. Это было еще в начале XIX века. Приехал с трехлетним сыном. Ему стало уже 6 лет, когда нужно было уезжать, а он сдружился с ребятами и те его спрятали. Прадед так и уехал без сына. Деда воспитала абсолютно чужая семья. Бабуля моя, 18-летняя, на речку за водой пошла, он ее там увидел и украл. Тогда так можно было. И возвращаться нельзя было. Возвратилась — цена твоя упала до нуля. Поэтому она осталась и родила шестерых детей. Такие были времена: из Турции сюда ездили на заработки, а кто-то от страха перед русскими, наоборот, в Турцию уезжал. Целая национальность, убыхи, жившие между Абхазией и Адыгеей, все в Турцию уплыли и ассимилировались там. Как сейчас обычно

люди мотаются в поисках хорошей жизни? У Баграта Шинкубы (абхазский писатель, поэт, политик — прим. редакции) есть книга «Последний из ушедших» — о тех временах.

Хани вдруг замолкает и смотрит нам прямо в глаза: то как на своих детей, то как на людей чужих и совсем неясных, а потом бежит наливать новый чай:

— Там, где люди, обязательно какие-то накладки! — продолжает она. — Обязательно! Но вот Чох... здесь никакой погони за деньгами нет. А зачем гнаться, если деньги всего мира в руках 12 человек? Эта погоня необоснованная. Безобразная. И неоправданная. Здесь людям достаточно хинкал (аварское блюдо из теста и баранины — прим. редакции), мясо и все. Ты сделал человеку добро, спасибо тебе скажет и пойдет, но при этом ты не обязан. Видимо, это то, что в селении было изначально. Культ чохца! — гордо заявляет Хани, — предполагает стремление к знаниям. Самый престижный момент в оценке человека — это его знания. Там где знания, там культура.

— Чай невероятный!

— Балдей, лапонька, балдей! В свое время я на XVII съезде ВЛКСМ была. Хорошие времена были. Тогда самый простой человек как я мог пробиться на съезд партии. Пойдемте, я вам еще ядра покажу! — За 24 года работы на огороде Хани нашла около 15 ядер разных размеров, оставшихся от сражений Кавказской войны. — Я только потом узнала, что они Шамилёвские, — ставит ударение на буквы «ё», как почти все дагестанцы, когда говорят о Шамиле.

Сильная и романтичная, очень живая тетушка Хани проводила нас до скалы, по которой можно найти трассу. Идти страшно, не досмотришь, зацепишься за ветку или камень, и упадешь. По другой такой же скале идет женщина с двумя ведрами. У горцев такая земля, скалистая, неровная, но своих горы не предают.

Альфия Ляпина